
AD GLORIAM

«...И ЭТО ПРЕКРАСНО!»

6 сентября 1999 года петербургскому археологу-античнику Константину Константиновичу Марченко исполнилось 60 лет. Свой юбилей он встретил в поле, на раскопках поселения Козырка.

Мы не будем здесь пересказывать биографию К.К., во-первых, потому что сами ее толком не знаем, а во-вторых, в этом нет необходимости, так как информация подобного рода обязательно появится в каком-нибудь (а, наверное, и не в одном) научном журнале или сборнике. Поэтому тем, кто все же хочет знать даты, города, имена и трудовой путь, мы советуем запастись ненадолго терпением. Марченко, как нам кажется, интересен прежде всего как человек и ученый. Давно известно, что человек делает биографию, а не наоборот.

Говорят, что после тридцати — тридцати пяти все круглые и полукруглые юбилеи начинают понемногу окутываться покровом легкой грусти, которая усиливается по мере увеличения первой цифры, открывающей окружающим возраст именинника. Глядя на К.К., этого не скажешь. Мы не так давно знакомы с ним, немногим более десяти лет, да и видимся нечасто по понятным причинам. Расстояние от Петербурга до Кишинева и Одессы становится все больше. Однако в часы и дни общения с К.К. нам никогда не приходило в голову, что этот человек может сожалеть о стремительности времени, хотя, наверное, это так. Не видели мы его и грустным. Даже легкая лирическая меланхолия, которая иногда проскальзывает в его речах, и та в конечном итоге заканчивается каким-нибудь жизнеутверждающим, мажорным пассажем: «А впрочем, все в сторону!». Лишь однажды, во время ночных бдений на какой-то из одесских конференций, К.К. расчувствовался донельзя. В это время из динамиков неслись «Кони привередливые» Владимира Высоцкого.

Изящная куртуазность Марченко в общении с окружающими, причем не только с женщинами, которые быстро приходят в состояние легкого возбуждения — совершенно оригинальна. «Это прекрасно!» — произносит он с неподражаемой интонацией светского льва. При этом согнутая в локте правая рука, едва дотронувшись указательным пальцем до затылка, стремительно распрямляется и затем резко падает вниз, ударяя ладонью по брючине неизменных

джинсов. Царящая сейчас агрессивность, озлобленность людей, удушающее засилье ругани невольно заставляют вспомнить один весьма поучительный момент. Возможно, старшие коллеги и близкие друзья К.К. нас поправят, но за все то время, проведенное вместе с ним в неформальной обстановке, которая, чего греха таить, в мужских компаниях способствует быстрому переходу на разговор с обильными включениями ненормативной лексики (археологи здесь — не исключение), мы ни разу не слышали от К.К. ни одного слова из этого, поистине неисчерпаемого, богатейшего фонда русского языка. Максимально допустимое «боковое» выражение — «е-мое!» и, теперь вполне литературное, упоминание места чуть пониже спины — невинны, как слеза младенца.

Так получилось, что мы практически в одно и то же время находились под опекой Марченко, который был руководителем наших диссертационных работ. Надо сказать, что в целом питерская система научного руководства существенно отличается от тех, которые практикуются в других, известных нам, по крайней мере, центрах научной мысли. Возможно, когда-нибудь историографы археологической науки займутся изучением особенностей различных школ постсоветского пространства. Сейчас речь не об этом. Научного руководства как такового мы как бы и не особенно ощущали. Наверное, потому, что представляли его по-своему. Суровый руководитель, придирающийся к каждой мелочи, назначающий предельно точные, а потому немислимые сроки подачи глав, параграфов и абзацев, распекающий подопечного за чрезмерное вольномыслие и пренебрежение мнениями патриархов («Как, Вы не знаете его (ее) имени и отчества!?!») — приблизительно таким, недоступным как Эверест, виделся образ научного руководителя. В случае с Марченко этот сконструированный а priori образ рассыпался почти в мгновение ока. «NB!», «sic!», «прекрасно!», «великолепно!» и тому подобными восклицаниями пестрели поля машинописных страниц, которые мы давали К.К. на суд. Однако стоило только на секунду расслабиться и уверовать в собственную гениальность, как ты немедленно оказывался там, откуда только что воспарил над грешной землей. Интонация и доброжелательность Марченко при этом совершенно не меня-

лись и, наверное, поэтому у нас никогда не возникало чувство досады или, что хуже, – озлобленности на весь мир. Ты имел право на ошибку! Ничего страшного, это нормальное явление в научном поиске.

Марченко достаточно поздно пришел в археологию. Может быть, поэтому (а может, и нет) в качестве «стартового капитала» для научной карьеры ему был предложен, казавшийся в то время едва ли не самым бесперспективным массовый археологический материал. Но «sapient sat!».

Лепная керамика, эта «альфа» и «омега» теперь уже бессмертного (во многом благодаря работам Марченко) вопроса греко-варварских взаимоотношений, в последние годы как-то перестала занимать умы молодого поколения археологов, а маститые, и не очень, мэтры не жалуют «лепняк» из-за весьма трудоемкого, потогонного процесса его обработки и малоэффективного конечного результата. Марченко так не считал. С самого начала своей научной деятельности эта тема, более или менее акцентированно, однако неизменно присутствует в его работах. Он продолжил традиции питерской школы, которая (в лице Е.Г.Кастанаян в первую очередь) впервые заставила считаться с лепной керамикой как с полноценным источником античной археологии. На протяжении десятилетий попадавший при раскопках античных городов в огромном количестве «лепняк» рассматривался чуть ли не как уродливый побег на стройном, прекрасном стволе античной цивилизации Северного Понта. Марченко осуществил грандиозную акцию. Им был перевернут огромный целинный пласт лепной керамики Нижнего Побужья. Беспомощные попытки объяснить наличие лепной посуды в греческих городах хроническим дефицитом привычной для греков сто-

ловой посуды, заставившим их в срочном порядке осваивать полукустарное производство малоэстетичной, скажем так, лепной керамики, – были окончательно оставлены. Проблема активного и непосредственного взаимодействия эллинов с варварским миром Причерноморья возникла во всем своем гигантском объеме. Остается только сожалеть, что результаты этой, без преувеличения, титанической работы, защищенной в качестве кандидатской диссертации, стали достоянием широкой научной общественности лишь спустя почти 15 лет, в 1988 году. Однако тот настоящий бум 70-х – 80-х гг., который охватил археологов-античников, стремившихся изучать именно лепную керамику и возможно полнее выяснить ее разрешающие способности как источника по вопросу о греко-варварских отношениях, – это ли не впечатляющий итог первых научных изысканий в этой области, где работы Марченко занимают по праву одно из ведущих мест!

Другая, не менее энергичная сфера деятельности Марченко-ученого – экспедиционная. Лишь один раз на нашей памяти К.К. был вынужден, именно вынужден пропустить полевой сезон – он заканчивал работу над докторской диссертацией. Марченко везде успевает, меняя порой за сезон по несколько памятников в самых разных областях Причерноморья. И это отнюдь не «гастроли». Даже не будучи официально начальником экспедиции, он повсюду принимает самое деятельное участие. Елизаветовка, Березань, Ольвия, Козырка, Лупарово... Список античных, да и не только античных, памятников, на которых работал Марченко, можно продолжить.

Но почему работал? Список продолжается и пополняется каждое лето. В любом случае вся фабула еще впереди.

*Игорь Бруяко
от имени всех учеников и коллег юбиляра
в Одессе и Кишиневе.*